

УДК 008

Е. В. Дробная*аспірант каф. історыі і тэорыі культуры
Забайкальскага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Чыта, Рассія)***Мортальность и её преодоление: философско-культурологический аспект**

В статье рассматриваются естественно-социальный и социально-естественный аспекты смерти, культуuroобразующая роль мортальной тематики, включённость феномена смерти в социокультурное пространство и его значение в формировании аксиологической парадигмы социума. Дается представление о специфике отношения к проблеме человеческой смерти и бессмертия в рамках светской и религиозной культур. Как пример осмысления проблемы личной мортальности в современной живописи рассматривается творчество художника Ю. Ракиши. Делаются выводы о важной роли смерти в процессе совершенствования социальной сущности человека и духовных оснований человеческой жизни.

Введение

Актуальность мортальной тематики обусловлена её вечностью и обращённостью к каждому человеку. Стремление осмыслить смерть в рамках человечества в целом и отдельной человеческой судьбы имеет давние духовные истоки и традиции. Точкой отсчёта аксиологических представлений о мире становится способность человека принять естественную неизбежность собственной смерти, формирующая личность и придающая жизни смысл. Нередко только непосредственное и внезапное столкновение с возможностью собственной смерти позволяет человеку осознать ценность, фундаментальность самого факта жизни, и это ощущение имеет, как правило, нравственно-очистительный смысл. Философ И.Т. Фролов видит смысл жизни человека в «процессе совершенствования ее социальной сущности и духовных оснований» [1]. Распространяя необходимость социально-нравственного развития на само биосоциальное существование человека, Фролов считает, что социальная сущность человека должна обуславливать доминирование нравственных принципов, «которые подчиняют себе непосредственно биологические факторы и импульсы его существования как индивида» [1]. Вопросы о смысле жизни, смерти и бессмертия, представляя параметры человеческого бытия, в полной мере выявляют гуманистическое содержание «духовно-телесного единства» человека [2], специфически реализуясь в рамках светского и религиозного взглядов на мир.

Естественный и социальный аспекты мортальности

Смерть, как необратимое прекращение жизнедеятельности любого организма, становится естественным и неизбежным концом всего живого, и человеческая жизнь не является исключением из этого закона. Попытка рассмотреть смерть с позиции природы, по мнению Н.С. Шиловской, показывает, что «смерть любого индивидуума выступает только как форма её (природы) обновления», свидетельствуя о том, что «конечность природных явлений есть форма восприятия мира человеком, обусловленная проявлением личностного начала» [2]. Инстинкт самосохранения, сохранения жизни, присутствует у всех живых организмов, но человек – «единственное существо, которое осознаёт свою смертность и может делать её предметом размышления» [1, с. 247]. «Осознание человеком своей собственной кончины позволяет нам говорить о том, что только человек умирает, животное, в отличие от человека, «околеваает» [2]. Иначе говоря, умирание, помимо биологически-физиологического, имеет экзистенциальный смысл» [2]: человек существует, отягощённый знанием о неизбежности собственной смерти. Л. Тол-

Научный руководитель – Л.В. Камедина, доктор культурологии, профессор кафедры литературы Забайкальского государственного университета

стой писал об этом так: «Если мысль эта (о смерти – *Е.Д.*) ...хоть раз придёт человеку, или другие ...растолкуют ему её, то он никогда уж не отделается от неё, ничем не выжжет её из своего сознания» [3, с. 21]. Осознание конечности объясняет остроту, с которой перед человеком встает вопрос о смысле и цели жизни: встраиваясь в систему общественных ценностей, смерть становится стимулом всесторонне развивать свои способности, влияет на существование и развитие социума, заставляет задуматься об ответственности человечества перед планетой и Вселенной. Смерть, таким образом, выступает естественно-искусственным феноменом: как естественное явление она включается в социокультурное пространство, предполагая «ответ» человека, общества и культуры.

Культурообразующая роль феномена смерти

Н.С. Шиловская считает, что формирование социокультурных представлений о смерти прежде всего связано с созданием определённого ритуала и философским осмыслением: «Смерть ритуализируется и рассматривается в рамках философского дискурса, ...мы можем говорить о культуре и человеке, основаниями которых являются константы жизни и смерти. Человек и культура «вырастают» из осмысления факта человеческой смертности» [2]. Таким образом, осознание конечности своей жизни, неизбежности смерти не только отличает человека от других живых существ, но становится основанием человеческой культуры, «побудительной причиной творческой деятельности, не заключённой в непосредственных её мотивах (материальных и пр.). Призвание ...человека – всесторонне развивать свои способности, внести свой личный вклад в историю, в прогресс общества, его культуру» [2].

Примером ответа на вопрос о смысле человеческой жизни может быть литературное творчество Л.Н. Толстого, в котором мысль о неизбежности биологической смерти человека связывается с утверждением нравственного, духовного бессмертия человека: нравственный смысл жизни выходит на первый план, распространяясь и на смерть [3, с. 104–107]. Посвящая свою жизнь благу других людей, человек, по убеждению Толстого, «здесь, в этой жизни уже вступает в то новое отношение к миру, для которого нет смерти и установление которого есть для всех людей дело этой жизни» [3, с. 111]. В.Ф. Овчинников формулирует это так: «Бессмертно не само имя, а память о нём, сохраняемая другими людьми. Иного бессмертия человеку объективно не дано» [4, с. 252].

Тема жизни и смерти вызывала интерес в самых разных сферах интеллектуального дискурса: в философии (Сократ, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, А. Камю, Н. Фёдоров и др.), в социологии (Э. Дюркгейм, В.Ф. Купревич, И.П. Вишев, Д.В. Матяш, В.В. Минеев и др.), в психологии (М.Д. Александрова, Н.Е. Бачериков, С. Гроф, Р. Лифтон, С. Ф. Рашидов и др.), в культурологии (Р.К. Баландин, Т.В. Мордовцева, А.Я. Гуревич, Л.В. Фасенкова, В. Янкелевич и др.), в истории (Ф. Арьес и др.); в литературе (Л.Н. Толстой, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В. Гюго, Т. Манн и др.), в искусстве (О.А. Кипренский, В.В. Верещагин, Ж.-Л. Давид, Ф. Гойя и др.), рассматривалась также и с точки зрения медицины, права и пр.

Представление о смерти в рамках секуляризованного общества. Смерть как искусственно-естественный феномен

Современная цивилизация, тяготеющая к социально-гуманистическому взгляду на предназначение человека, превращает смерть в искусственно-естественный феномен. Порождая вокруг себя искусственную среду, создающую иллюзию власти жизни над смертью, человек в искусственном видит панацею от всех бед, в том числе и от смерти. По мнению Шиловской, в основе нашей цивилизации лежит «виталистический миф», сформированный геронтологическими утопиями, философскими проектами «покорения смерти», достижениями в области медицины [2]. Социум, ориентированный

прежде всего на сильных, успешных и молодых, неудачи, болезни и смерть в нашей жизни рассматривает в качестве неприятных казусов, не согласующихся с виталистическим самообманом. В целом к смерти складывается отношение как «к чему-то такому, о чём лучше не говорить». Самоцелью становятся продление молодости и увеличение продолжительности человеческой жизни, отражающие «общественную значимость ... сохранения развитой человеческой индивидуальности, обогащенной знаниями, опытом жизни и мудростью, ... (что – Е.Д.) представляется прогрессивным процессом в отношении и отдельных личностей, и человеческого общества в целом» [1]. Современный уровень развития медицины привёл к тому, что сам вопрос о жизни и смерти порой оказывается вопросом выбора, а «право умереть» становится проблемой: с одной стороны, предполагается право человека на эвтаназию (добровольный уход из жизни), а с другой – дискуссии о «праве на смерть» ведутся уже не о самоубийстве, а об искусственном продлении жизни умирающего человека.

Жизнь человека в современном секуляризованном обществе рассматривается с позиций непрерывного потребления, поэтому смерть (как неизбежное явление), с одной стороны, включается в «индустрию погребения», а с другой – всячески выводится за пределы повседневного «праздника жизни», всеми силами скрывающего неизбежное её окончание. Отсюда пышные похороны (организуемые в специальных ритуальных залах, чтобы минимизировать напоминание о личной конечности каждого) и прагматическая позиция, согласно которой способ утилизации должен использовать все возможности, которые дают останки человеческого тела; например, тепло, полученное при кремации, может использоваться для обогрева жилых домов. Есть технологии, позволяющие превратить углерод, входящий в состав праха или волос умершего, в бриллианты, кулоны, запонки, простые карандаши, фоторамки и мемориальные таблички [5]. Бельгийские предприниматели предложили расщеплять тела умерших в щелочном растворе и смывать их в канализацию. По мнению авторов, этот метод имеет несколько преимуществ: он менее затратен, чем захоронение на кладбище, и практически не наносит вреда окружающей среде (в отличие от дыма крематориев). Шведские биологи считают, что из тел усопших нужно делать компост, на котором их родственники могут вырастить «наилучший памятник» – цветы, ведь «изначально было задумано природой, что умершие остаются лежать на земле, становятся добычей животных и постепенно превращаются в почву»; но главное преимущество этого метода в том, что он в четыре раза дешевле, чем кремация [6].

Перечисленные примеры иллюстрируют нивелирование представления о смерти человека до «околевания» животного, «редуцирование смерти к естественному феномену», что, по мнению Шиловской, «является ошибочным и опасным», поскольку ведёт к «духовной деградации человека вследствие утраты своих оснований, каковыми являются жизнь и смерть, и кризису культуры в целом» [2].

Мортальность в религиозной культуре

Страх перед тайной смерти и «упование человека на неисчезновение духа» реализуются посредством религии, веры [4, с. 254]. В.Ф. Овчинников выделяет три типа отношения к смерти «в лоне трёх мировых культур – восточной, западной и русской»: восточная культура «не создаёт дистанции между человеком и смертью», смерть мыслится как «ступень слияния с Вечностью, с Абсолютом ... воспринимается спокойно, считается, что жизнь, перерождаясь, продолжается» [4, с. 251]. Запад, по мнению Овчинникова, напротив, дистанцируется от смерти, «рассматривает смерть издали ... Человек ... смертен не для себя, а для ... постороннего наблюдателя» [4, с. 251]. Русская культура, считает Овчинников, объединяет в себе элементы восточного и западного вариантов: человек, не сопротивляясь смерти, не старается приблизить её [4, с. 252].

В христианстве смерть представляется следствием грехопадения Адама и Евы, противоречащим духовной сущности человека. Смерть – это одновременно наказание за совершенный прародителями грех и освобождение вечной души человека от оков тела: «Станем трепетать не перед смертью, а перед грехом; не смерть родила грех, но грех произвел смерть, смерть же стала исцелением греха», – так разъяснял сущность смерти свт. Иоанн Златоуст [7]. Таким образом, в рамках христианского представления о предназначении человека в мире поиск физического бессмертия – это богоборчество.

Православное понимание смерти выражает икона «Успение Божией Матери». Согласно русскому православному преданию, Россия находится под особым покровительством этой иконы. «Успение», означающее «успокоение», «засыпание», но не «смерть», предполагает погружение в свою внутреннюю сущность, вхождение в мир духовный, переход в вечность праведной души. Успение – образ духовного «рождения в смерти», вводящего человека в вечное бытие, «водворение» у Господа [8], возрождение «через временную смерть ... для Жизни Вечной» (свт. Димитрий Ростовский) [7]. Образ Божией матери «Успение» отражает созерцательность и неторопливость русской ментальности. Судьба России – пребывание в Вечности, в состоянии духовного «покоя», погруженности в свою внутреннюю сущность. За кажущимися упадком, смертью, успением России должно последовать её преображение ради прославления Духа [8].

Использование мортальной тематики в творчестве художника Ю. Ракши

В рамках нравственной и религиозной парадигмы на первый план выходит вопрос не «Сколько жить человеку?», а «Как и во имя чего жить?».

В качестве примера осмысления проблемы личной мортальности посредством искусства живописи может служить творчество Юрия Михайловича Ракши (1937–1980), объединённое темой вечного Отечества. Вершиной творчества и последней работой художника стал триптих «Поле Куликово», который был задуман и исполнен для выставки в Третьяковской галерее в рамках празднования шестисотлетия победы на Куликовом поле. Куликовская битва стала рубежной для существования Русского государства, и Ракша стремился к «раскрытию в героях именно состояния определенного духовного предстояния» [9], делая акцент на моменте собирания духа в час подготовки к сражению, к смерти.

Центральная часть триптиха, названная автором «Предстояние», осмысливается художником как момент духовного единения ратников перед битвой: русские дружины выстроились в боевые порядки, рядом Дон, за рекой – Родина, Святая Русь. Главный образ триптиха – князь Дмитрий Донской (позднее прославленный в лике святых). Его голова композиционно заключена в круг – символ Небес, своего рода нимб святого, образованный головой коня и хоругвью с изображением Спаса Нерукотворного. Красный фон хоругви – цвет подвига и жертвы, скорой победы над врагом; пасхальный цвет радости, победы жизни над смертью. Красный конь на картине – символ апокалипсиса (последней, смертельной битвы между добром и злом). Рядом с Дмитрием Донским – Михаил Бренок. По преданию, Михаил Бренок был очень похож на Дмитрия Донского. Перед боем они поменялись доспехами, что сделало Бренка приманкой, отвлекавшей противника от князя. Ближний боярин и любимец князя Михаил Бренок своим поступком исполнил евангельскую заповедь: положил жизнь свою за други своя. Знал ли Бренок, на что идет? Несомненно, знал. И тем значительней его подвиг. Князь же, как простой воин, бился в самой гуще сражения. Он не отделял своей судьбы от судьбы своего народа, не мыслил без него своей жизни и был готов умереть вместе с ним.

Триптих «Поле Куликово» стал для мастера не только художественным, но и человеческим подвигом. Во время написания триптиха сам Ю. Ракша был смертельно болен. На картине умирающий художник изобразил себя в надвинутом на брови стальном

шлеме за правым плечом князя Дмитрия Донского: «Я бы погиб там, защищая Дмитрия со спины» [9]. В своей последней статье Ракша написал: «У каждого из нас в жизни должно быть своё «поле Куликово». Оно там, где ты стоишь» [9]. Художник умер с кистью в руке, успев сделать последний мазок. «Я не боялся смерти, – писал художник. – Я не очень знал, насколько она близка. Но в сознании моём моя жизнь или смерть казались мне в масштабе мироздания или человеческой истории ничтожным мгновением. И от того, сколь велико или мало будет это мгновение, ровно ничего не менялось и не имело значения. И я жалел лишь как о незадаче, что мне не удастся что-то ещё сделать ... Как жаль, что бессмертный дух наш привязан к бренному телу. Но даже в пределах тела можно успеть очень многое» [9]. В день смерти художника центральное полотно триптиха, которое невозможно было вынести иначе, на веревках бережно спустили с семнадцатого этажа и перевезли в Третьяковскую галерею.

Ю. Ракша посредством использования в своих работах смертной тематики раскрыл собственное понимание духовности и преемственности как предназначения жизни человека и сущности творчества. «Эта моя картина, – резюмировал Ю. Ракша, – не просто извлечение из прошлого, напротив, это мое сегодняшнее обращение к ним, тем, которые пали: о том, что мы живы, что мы – есть, что мы сильны, что мы едины и миролюбивы, что мы многому научились, что они тогда не зря пали, что дух наш не оскудел, что мы и сейчас можем собраться, что нам надо держаться вместе» [9].

Заключение

Каждый человек рано или поздно задаётся вопросом о целях своего существования, смерти и бессмертия. Гуманистический подход предполагает социально-нравственное осознание смысла человеческой жизни, общий социальный и моральный прогресс человечества. Этому прогрессу максимально способствует представление о смерти как закономерном и неизбежном конце жизни, понимание смертности как культурообразующего естественно-искусственного феномена. Виталистический самообман, предполагающий бесконечное наслаждение жизнью, напротив, ограждает человека от необходимости нравственного совершенствования, замыкая представление о жизни в пределах идеологии материального успеха, вечного удовольствия и потребления.

Религиозный взгляд на проблему смертности личности нацеливает человека на духовное преодоление проблем, предлагаемых жизнью, а успех определяется движением к спасению души, к Богу, которое утверждается не просто верой, но конкретными делами. По мнению Шиловской, современная цивилизация, размывая границы между жизнью и смертью, когда «смерть симулирует жизнь, ... а живое, естественное соединяется и заменяется неживым, ... вечным, искусственным», отрицает «традиционно сложившуюся естественно-искусственную сущность феномена смерти как основания человека и культуры в целом» [2]. Отказ от осмысления личностью смерти как закономерного итога жизни приводит к тому, что само содержание жизни становится бездумным, ни на что не направленным. Победа над смертью неизбежно станет победой над самим человеком, которая приведёт к уничтожению культуры, к духовному уничтожению самого человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фролов, И. Т. О жизни, смерти и бессмертия: этюды нового (реального) гуманизма [Электронный ресурс] / И. Т. Фролов // Вопросы философии. – 1983. – № 1. – С. 84–98. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=329&Itemid=55. – Дата доступа: 06.06.2014.

2. Шиловская, Н. С. Феномен смерти в диалектике естественного и искусственного : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / Н. С. Шиловская. – Н. Новгород, 2004. – 197 с. – Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-smerti-v-dialektike-estestvennogo-i-iskusstvennogo>. – Дата доступа: 31.03.201.
3. Толстой, Л. Н. О жизни / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. – М. : Худ. лит., 1984. – Т. 17. – 128 с.
4. Овчинников, В. Ф. Феномен таланта в русской культуре / Ф. В. Овчинников. – Калининград : Янтарный сказ, 2001. – 336 с.
5. Кремация – современный взгляд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://woityk.narod.ru/index/0-3>. – Дата доступа: 24.03.2014.
6. Око планеты. В Евросоюзе предлагают смывать тела умерших в канализацию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://okoplanet.su/politik/newsday/114811-v-evrosoyuze-predlagayut-smyvati-tela-umershih-v-kanalizaciyu.html>. – Дата доступа: 24.03.2014.
7. Русский собор. Выписки из святых отцов о смерти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.russkiysobor.com/vypiskiizotcov.htm>. – Дата доступа: 08.06.2014.
8. Дугин, А. Г. Абсолютная Родина [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея, 1999. – 752 с. – Режим доступа: URL: <http://arcto.ru/article/308>. – Дата доступа: 31.03.2014.
9. Библиографический ресурс «Чтобы помнили». Юрий Ракша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=349>. – Дата доступа: 08.06.2014.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.07.2014

Drobnaya E.V. Mortally and its Overcoming: Philosophical-cultural Aspect

The article discusses the natural and social aspects of socio-natural death, the role of culture-mortality subjects, the inclusion of the phenomenon of death in the socio-cultural space and its importance in shaping the axiological paradigm of society. The insight into the specifics of the relationship to the problem of human death and immortality within the secular and religious cultures is given. Yuri Raksha's creative work is given as an example of thinking about the issue of personal mortality in contemporary art. Conclusions about the importance of death in the process of improving the social nature of man and the spiritual foundations by the human life are made.